

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

А.В. Гудкова (Одесса, Украина)

ГЕРМАНЦЫ В СТЕПЯХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

Цель настоящей работы двоякая. Во-первых, это – систематизация накопленных к настоящему времени археологических источников, свидетельствующих о том, что в первой половине I тыс. н.э. в степном Причерноморье неоднократно появлялись и какое-то время обитали германцы – выходцы из Центральной и Северной Европы; во-вторых, попытка соотнести хотя бы некоторые археологические артефакты и сведения письменных источников о народах, известных древним авторам в рассматриваемое время в степях Причерноморья.

Наиболее ранние археологические сведения до появления черняховской культуры в Причерноморье дают материалы позднескифских памятников. На них найдена гончарная сероглиняная керамика (далее ГСК), не имеющая местных генетических корней. По формам сосудов, по набору этих форм и по орнаментации она неотличима от керамики черняховской культуры. Отдельные различия имеются лишь в некоторых деталях. Совершенно очевидно, что ее формирование происходило до возникновения и позднескифской, и черняховской культур и за пределами их ареалов.

Впервые эта керамика была проанализирована как самостоятельный феномен по материалам Козырского городища на хоре Ольвии¹. Его четкая стратиграфия² позволила определить время появления и существования этой керамики. Два первые периода существования Козырки - это время функционирования городища как одного из укреплений сельской округи Ольвии. Эти периоды разделяет слой пожара, но принадлежат они одному населению - поздним скифам³.

Первый период датируется от рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. и до середины II в. н.э. Второй период находится в пределах от середины II в. до середины III в. Третий период связан с появлением на развалинах городища носителей черняховской культуры, создавших здесь свой неукрепленный поселок. Он датируется в пределах существования черняховской культуры в степях Причерноморья в целом от середины III в. и до гуннского нашествия или даже до конца IV – начала V в. На протяжении всего первого периода обитатели Козырки использовали античную ольвийскую сероглиняную керамику. В конце первого периода или в начале второго появляются новые не античные формы и такие приемы отделки поверхности сосудов, которые поздней становятся характерными для черняховской культуры⁴.

Во втором периоде эта керамика обычна. Для нее характерны биконические миски и биконические кувшины, небольшие сосуды типа кубков, применение линейно-лощеного и пластичного орнамента (в том числе и валиков), дополнительная профилировка сосудов. Присутствуют также шероховатые кухонные горшки и изредка миски. Отсутствие

зерновиков является отличием от черняховской посуды. В третьем периоде представлена черняховская сероглиняная керамика. На городище нет никаких данных о возможности ее эволюционной связи с СГК предшествующего времени.

Появление в начале нашей эры такой же СГК, сходной с черняховской, установлено и на других укреплениях хоры Ольвии, в частности на городищах Мыс⁵ и Золотой Мыс⁶.

Феномен сероглиняной гончарной керамики в позднескифском керамическом комплексе был исследован также на материалах позднескифских поселений Молога II и Веселое III на хоре Тиры⁷. Сопоставление их керамики с посудой поселений на хоре Ольвии показало полное сходство. Однако, на хоре Ольвии сероглиняная керамика не многочисленна, а на поселениях округа Тиры она являлась основой керамического комплекса.

Совершенно очевидно, что СГК сельских поселений отличается от гончарной продукции Тиры и Ольвии, не имеет местных истоков и была продукцией сельских мастеров. Последнее подтверждается тем, что на Мологе найден керамический брак. Очевидно, ее распространение связано с появлением пришлого населения, растворившегося в среде местных жителей на сельскохозяйственной округе античных городов. Сравнение материалов нижнего и второго горизонтов Козырки дает картину постепенного нарастания разнообразия форм и количества сероглиняной керамики. Это свидетельствует о том, что она распространилась постепенно. Видимо, полного растворения пришельцев в позднескифской среде не произошло, на что указывает отсутствие в могильниках их СГК.

Определить направление распространения описываемой керамики позволяет наблюдение над ее количеством на различных поселениях. На Козырке эта посуда, включая и чисто античные ольвийские формы, составляет всего 3 %⁸. На городище Мыс, расположенном на середине расстояния между Мологой и Козыrkой, сероглиняная керамика составляет— 43,68 %⁹. В Мологе (по материалам раскопок 1975—1978 гг.) она составляет 12 %, а в Веселом -35 %. В Мологе и Веселом практически нет иной столовой посуды. Набор форм разнообразней, чем на хоре Ольвии. Это указывает на распространение керамики с северо-запада на юго-восток.

Для СГК удалось установить круг сходств, позволяющий судить о месте ее происхождении. Ближайшие аналогии некоторым формам мисок обнаруживаются в культуре карпатских курганов¹⁰ и далее на запад в пшеворской культуре¹¹. Сосуды с Г- и Т-образным венчиком, не связаны ни с Тирой, ни с Ольвией, где они не известны, но представлены тоже в керамике карпатских курганов¹² и у карпов¹³. Далее на запад они обнаруживаются у мисок в пшеворской культуре¹⁴. Кубки-горшочки характерны для пшеворской культуры¹⁵. Трехручные вазы, по мнению Б.В. Магомедова, появились в черняховской культуре с запада, в частности

из Центральной Европы и с территории Дании¹⁶. Корчаги (зерновики) связаны с латенскими керамическими традициями. Исток распространения шероховатых кухонных горшков, присутствующих на Козырке и массовых в Мологе и Веселом, - не античные центры Причерноморья, где они не известны, а Дунайские провинции. Они представлены в керамике культуры карпатских курганов, особенно в Глубоком, Волосове и гончарных мастерских Печенижена¹⁷. Отметим, что гончарство этой культуры имело связи с Восточной Словакией. Шероховатые горшки широко распространены на памятниках лимеса. Их иногда даже именуют солдатскими котелками. Все это явно свидетельствует о появлении рассматриваемой керамики в Причерноморских степях северо-запада, из Центральной и Северной Европы.

Вопрос о присутствии описываемой керамики на позднескифских городищах степного Поднепровья остается открытым. Исследователи фиксировали на них небольшое количество сероглиняной керамики «черняховского» облика. Однако, неопределенность стратиграфического положения этих находок не позволяет определить время ее бытования. Сходство описываемой керамики с черняховской делает в этой ситуации невозможным определение культурной принадлежности этих находок. Следует лишь отметить, что такую керамику на нижнеднепровских поселениях Берислав и Каиры Е.В. Махно¹⁸ определила, как принадлежащую пришельцам¹⁹.

Почти полное совпадение рассматриваемой керамики с материалами черняховской культуры²⁰ позволяет при изучении вопроса о ее происхождении использовать данные о происхождении черняховской СГК. Оценим еще раз сходства и различия. Закрытые биконические миски, столь характерные для черняховской культуры, и миски поселений на Днестровском лимане идентичны. Кубки-горшочки, сосуды с Г- и Т-образным венчиком, шероховатые кухонные горшки и зерновики присущи и черняховской культуре. Отличие описываемой керамики от черняховской: присутствие некоторых форм мисок, не свойственных черняховской культуре; отсутствие трехручных ваз и специфически орнаментированных кубков черняховского облика; изготовление из тонкого глиняного теста корчаг-зерновики, полностью совпадающих по форме с грубоглиняными черняховскими; применение на части сосудов черного покрытия. Таким образом, очевидно, что в рассматриваемой СГК предвосхищен минимум на полтора-два десятилетия облик такой же посуды в черняховской культуре. Подчеркнем еще раз, что выработка основных черт СГК с позднескифских памятников, как и черняховской керамики, происходила явно не в Причерноморье. В настоящее время большинство исследователей сходятся на том, что истоки сложения черняховской керамики находились в германском барбарикуме.

Последнее и наиболее развернутое исследование этого вопроса принадлежит О.В. Шарову и И.А. Бажану. Они подробно проанализировали керамику германских племен Центральной Европы и пришли к выводу о том, что в черняховской культуре две выделенные ими ведущие серии сосудов имели генетические корни первая - в районе Средней Эльбы, а вторая - там же (Тюрингия) и на Верхней Эльбе (Богемия). В остальных районах Центральной Европы «...эта посуда либо встречается крайне редко, либо была в употреблении только в раннеримское время, что, вероятно, связано с затухающими импульсами кельтского мира»²¹. Поскольку в работе этих авторов проанализирована и германская сероглиняная керамика предшествующего времени, становится ясным, что прототипы керамики, появившейся на позднескифских памятниках, представлены в основном в Рейнско-Эльбском междуречье²². В вельбарской культуре в предчерняховское время истоков рассматриваемой керамики не обнаружено.

Поскольку формирования черняховской культуры в степном регионе не происходило, предположение о возможности какой-либо генетической связи СГК на позднескифских памятниках и памятниках черняховской культуры оказывается совершенно беспочвенным. Сходство этих двух групп керамики объясняется общими истоками в германском мире Центральной Европы. Очевидно, что эти традиции существовали достаточно долго для того, чтобы быть истоком почти одинакового облика СГК в обеих культурах.

Остается выяснить, как практически проникли в среду поздних скифов германские влияния. Приходится полностью исключить, с чисто территориальной точки зрения, заимствования на основе соседских контактов и распространения моды. Остается только переселение в Причерноморье германцев в первых веках нашей эры, до возникновения черняховской культуры. Возможно, к этому могли иметь отношение бургунды с их сложной исторической судьбой, о чем писали в связи с исследованием раннего горизонта черняховских древностей О.В. Шаров и И.А. Бажан²³. СГК первого импульса распространения германцев в Причерноморье исчезла бесследно вместе с исчезновением во время войн III в. позднескифской культуры.

Материалы черняховской культуры позволяют рассмотреть вопрос о существовании в причерноморских степях археологических следов носителей вельбарской культуры, отождествление которых с готами не вызывает сомнения. Действительно, элементы вельбарской культуры в степи фиксируются. Однако, это следы не распространения культуры как таковой, а свидетельство присутствия на памятниках черняховской культуры элементов вельбарской²⁴. Среди них одним из весомых признаков является наличие на могильниках кремаций. Это особенно важный признак, потому что он не может быть простым заимствованием или модой, и его наличие всегда связано с физическим присутствием его носителей. Практика трупосожжения не имеет местных генетических корней в Причерноморье.

Поскольку на черняховских могильниках степи захоронения с кремацией массированно представлены лишь в степном Поднепровье, можно думать, что Днепр служил водным путем на юг. Очевидно, готы на своем пути к Меотиде прошли через степи в основном по Днепру и ушли далее на восток, в Подонье. На Дону в округе Танаиса на поселениях зафиксировано присутствие СГК, сходной с черняховской, но она пока остается неизученной.

Характер размещения элементов вельбарской культуры в степях заслуживает особого внимания. Они известны только в восточной части степного региона. На памятниках Днепровской Луки и далее к югу на Днепре, на Ингуле и Ингульце погребения с кремацией имеются почти на всех могильниках²⁵. На запад они немного заходят за Ю. Буг в его низовьях. Это , Каборга, Городок²⁶. В Буджакской степи такие материалы на черняховских памятниках полностью отсутствуют. Причины такого территориального распространения этих явлений пока не ясны. Оно тем более странно, что на крайнем юге молдавской лесостепи на черняховских памятниках отмечено присутствие элементов вельбарской культуры (Данчены, Будешты).

Возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. Присутствие готов в степях Причерноморья к западу от Ю.Буга очевидно по всей сумме письменных источников, но отсутствуют их археологические следы в виде хотя бы элементов вельбарской культуры, носителей которой считают готами. Остается предположить, что древние авторы именовали готами (по крайней мере, в степях) и носителей черняховской культуры. Нам уже приходилось писать о том, что черняховское население Буджака может быть определено как часть грейтунгов²⁷.

При обработке материалов черняховского могильника Нагорное II, относящегося к позднему и финальному периоду черняховской культуры, нам удалось обнаружить явные следы появления в ареале черняховской культуры позднейшей волны переселенцев из южной Польши (Масломенч). Пока не удается с уверенностью определить, где находился исходный пункт этого переселения. Ясно лишь, что в нем приняли участие носители масломенчской группы. Очевидно, первоначальный импульс шел из Центральной Европы. Переселенцы, вне всякого сомнения, носители черняховской культуры, были германского происхождения. Об этом свидетельствует то, что в их погребениях присутствовали германские обряды защитной магии²⁸.

Хотя материальная культура поселения и могильника Нагорное 2 в целом была черняховской, в ней наблюдаются явные связи с германским миром Центральной Европы. Особенно показателен в этом отношении репертуар фибул, в котором весомы нечерняховские типы, связанные именно с этим регионом. Особенно показательны 12 подвязных гладких фибул, несвойственных черняховской культуре. Сходные экземпляры

известны в Пантикапее и Крыму²⁹. А.К. Амброс писал об их ареале «римская граница в IV в.». К явлениям центрально-европейского круга принадлежит и украшение фибул в технике тримолир. Он характерен для металлических украшений западных провинций Римской Империи и прилегающих районов германского барбарикума. Фибулы с таким декором известны и на памятниках Сынтана де Муреш.

Аналогии некоторым другим находкам из Нагорного указывают на то же направление связей. Таким образом, археологически выявлена новая деталь передвижения германцев на раннем этапе великого переселения народов.

Изучение этой переселенческой волны германцев только начинается, и сведения о ней еще требуют пополнения. Однако, уже очевидно, что этим процессом была охвачена значительная территория, но, как предварительно представляется, не весь ареал черняховской культуры. Интересные параллели обнаружены в Косанове, а прямые аналогии - на могильниках Будешты, Михалешень, Бырлад-валя Сяке и Палатка в Семиградье. Таким образом, очевидно, что зона распространения памятников Сынтана де Муреш была ею охвачена. Следовательно, эта последняя волна переселенцев, связанных с германцами Центральной и Восточной Европы, была исторически весомой.

Очевидно, предстоит специальное исследование вопроса о том, можно ли переселенцев определить как тервингов.

После гуннского нашествия и исчезновения черняховской культуры степи на длительное время остались без оседлого населения. В новое время германцы из Швейцарии и немецких княжеств начали селиться здесь как колонисты, приглашенные российским правительством при Александре I для обустройства пустынного края. Появились немецкие названия сел, стертые с карты в советское время. Поскольку колонисты занимались виноделием, эти названия сохранилось лишь в памяти людей и в марках вин.

¹ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии северного Причерноморья. – Херсон, 1991. – С. 122-131.

² Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. – К., 1962.

³ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика... – С. 123; Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // *Stratum plus*. – Кишинев, 1999. - №4. – С. 242-244.

⁴ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика... – Рис. 1, 2.

⁵ Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии северного причерноморья. – К., 1980. – С. 3-19; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В. Сельская округа Ольвии. – К., 1989. – С. 84; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения нижнего Побужья (археологическая карта). – К., 1990.

⁶ Гудкова А.В. Сероглиняная керамика... – С. 129.

- ⁷ Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н.э.) // *Stratum plus*. – Кишинев, 1999. – №4. – С. 8-18.
- ⁸ Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В. Сельская округа Ольвии... – С. 184, табл.3.
- ⁹ Там же. – С. 184, табл. 3.
- ¹⁰ Вакуленко Л.В. Пам'ятки Підгір'я українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. – К., 1977. – С. 26, тип 1, табл. XIV, 16, 19.
- ¹¹ Dobrzanska H. Zagadnienie datowania ceramiki toczzonej w kulturze przeworskije // *Archeologia Polski*. Т. XXIV. – 1980. – Z. 1. – Рис. 8, *a, b, c, e, g*.
- ¹² Вакуленко Л.В. Вказ. пр. –Табл. VIII, 7; IX, 31; X, 14.
- ¹³ Bichir Gh. Cultura carpica. – Bucuresti, 1973. – Pl. LX111, LX1V, 1, 3, 6; C11 и др.; Bichir Gh. Les sarmates au Bas-Danube // *Dacia*, N. S. – Т. 21. – P. 26, tab. XV.
- ¹⁴ Dobrzanska H. Op. cit. – Рис. 4, *a-f*; рис. 3, *d-g*.
- ¹⁵ Ibidem. – Рис. 13.
- ¹⁶ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Люблин, 2001. – С.49-50.
- ¹⁷ Вакуленко Л.В. Вказ. пр. – С. 26.
- ¹⁸ Махно Е.М. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА. - № 82. – 1960. – С. 9-83.
- ¹⁹ Подробней см.: Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье... – С. 243.
- ²⁰ Там же. – Рис. 9.
- ²¹ Шаров О.В., Бажан И.А. Черняховские этюды // *Stratum plus*. – Кишинев, 1999. - № 4. – С., 57.
- ²² Там же. – С., 46-57.
- ²³ Там же. – С., 58-63.
- ²⁴ Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье... – С. 370.
- ²⁵ Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. Вып. Д1-22. – М., 1983. – Табл.1, карта.
- ²⁶ Подробную характеристику см.: Гудкова А.В. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье... – С. 370.
- ²⁷ Там же. – С. 381-382.
- ²⁸ Гудкова А.В. Защитная магия в ингумациях черняховского могильника Нагорное II // Збірка тез доповідей на міжнародній конференції «Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень». – К., 2010. – С. 36-40.
- ²⁹ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д. 1-30. – 1966. – Табл. 11: 16, 18.